

Кризис модернизации и архаизация общества

Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 272 с.

Об архаизации российского общества, о прорыве архаики сегодня во всех сферах общественной жизни говорят достаточно много,

это одна из актуальнейших тем отечественного обществознания. Однако часто эти обсуждения ведутся с оценочным оттенком, когда архаизация определяется исключительно негативно как регресс, деградация, феодализация, и в качестве ее проявлений называются крайности: разрушение социальных институ-

тов, высокая степень коррупции, внешнее увлечение религиозностью, клановость. Несмотря на сильные традиции отечественной социальной философии, наличие в социальном знании фундаментальных работ, авторитетных авторов, российская научная мысль как будто столкнулась с абсолютно новым феноменом. Вот уже более двадцати лет тема архаизации, захлестнувшей наше общество, не находила достойного места в научном дискурсе. Очевидно, что определенную роль сыграл тот факт, что архаика и архаизация недостаточно изучены социальными науками Запада, будучи сформированными в XIX в. — веке индустриализации и формирования современного общества. Науки обратились к изучению этих инноваций, не предполагая значимости и возможности архаизации в будущем. Однако, как показывает опыт России и многих других стран, будущее оказалось тесно связанным с ней. И тематика возвратов к прошлому стала весьма злободневной.

В связи с этим становятся очевидными актуальность и важность монографии Ч. К. Ламажаа, в которой впервые предложена концепция архаизации общества. Работа претендует на восполнение той лакуны, которая возникла в отечественном обществознании и на которую указал в свое время А. С. Ахиезер. Исследование Ч. К. Ламажаа, с одной стороны, продолжает ряд идей, высказанных в начале 2000-х годов известным философом, автором концепции социокультурного раскола России, а с другой — является самостоятельным исследованием. В нем поставлены и решены не только теоретические вопросы, но и с помощью теории проанализирован эмпирический материал архаизированного бытия бывшей кочевой, бывшей советской республики — Тувы — на фоне российских архаизационных процессов постсоветского времени.

В целом автор решает целый ряд важных для социальной философии исследовательских вопросов.

Первый вопрос, разумеется, посвящен сути процесса архаизации. Есть немало исследований, касающихся конкретных проявлений архаизации в разных сферах общественной жизни,

но определений этого явления и научной разработки проблемы очень мало. В общественном дискурсе архаизация представляется синонимичной упрощению. Однако очевидно, что речь идет о социальном процессе более сложного порядка, что может быть адекватно понято лишь на уровне социально-философского исследования. В этой связи Ч. К. Ламажаа обращается к выявлению причин архаизации. Этот раздел исследования представляет особый интерес.

Как показал А. С. Ахиезер, архаизация — результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Ч. К. Ламажаа развивает это положение и показывает, что архаизация — в первую очередь стихийный, реакционный процесс, который разворачивается при определенных условиях. Революционеры и неуспешные реформаторы не берут на себя ответственность за архаизацию, всецело приписывая ее негативным качествам народа. Но речь идет о действии социально-психологического механизма, и акцент на нем в работе подсказывает нам, как следует воспринимать идеи управления архаизацией, которые предлагают ряд обществоведов. Архаизация сама по себе не может быть объектом социального управления, речь может идти только о социальных программах по борьбе с ее последствиями, отдельными проявлениями.

Чтобы подчеркнуть глубину, масштаб архаизации, исследователь обращается к анализу того, что следует считать архаикой, и весьма определенно высказывается о сути этого исторического периода, в который сформировались основные характеристики культуры каждого общества и который определяется для каждого отдельно.

В свете подобного экскурса суть архаизации становится яснее, что также позволяет сопоставить ее с традиционализмом и неотрадиционализмом и показать сходства и отличия данных процессов друг от друга. Я считаю это очень важным моментом в исследовании, по-

сколько многие рассуждающие на тему архаизации могут на деле говорить и о традиционализме, и о неотрадиционализме. Все это и порождает порой столь большие расхождения во мнениях относительно причин, форм проявления, функций архаизации...

Другой вопрос, важный для осуществленного автором исследования: отличается ли сегодняшний тип архаизации от других ее разнообразных видов, известных истории? Если отличается, то чем? Безусловно, обращение к проблематике архаизации должно коррелировать с пониманием того факта, что данный процесс относится к определенному типу социальных процессов. В этой связи в работе выявляется, каким образом следует расценивать процесс архаизации, какова его роль в историческом процессе в целом для общества.

Общества современного мира продолжают демонстрировать нам разнообразие: до сих пор есть и архаические общества (общества древние, не перешедшие к традициям, основанные на мировых религиях, не имеющие государственных начал, это преимущественно некоторые общества Африки и Азии), продолжают существовать традиционные общества (естественные темпы эволюции которых достаточны для того, чтобы произвести очевидные изменения в жизни нескольких поколений, сформировать устойчивые образцы культуры и морали), и есть современные общества (возникающие в силу модернизационных усилий, способствующих ускорению развития и изменениям в жизни одного поколения). При этом архаическое существует в обществах и традиционного, и современного типа — как остаток, рудимент прошлого опыта, черта сложившегося архетипа.

Автор показала не столько эту пестроту, сколько вписала проблему в канву социальной эволюции и рассмотрела то разнообразие архаизационных тенденций, которое демонстрировала история. Классификация этих тенденций позволяет понять, что нового, а что типического содержит нынешняя, наблюдаемая нами архаизация. Архаизации могут способствовать разруха, война, революция, которые присутствовали в прошлом. Современной причиной архаизации признаются те человече-

ские усилия, которые осуществляют модернизацию, расходящуюся с существующей в данном обществе культурой. О несоответствии реформационных целей «верхов» и культуры «низов» много писал А. С. Ахиезер, по мнению которого архаические практики в ответ на вызовы времени резко, инверсионно возвращали к прежним ценностям. Великая Отечественная война в России собирала силы народа на основе не только коммунистической идеологии, но и религиозной веры и таких архетипических черт, как фатализм, желание победить, коллективизм, возвращала архаические способы выживания. Попытка модернизации 1990-х годов имела неадекватный культуре народа характер и сорвалась в демодернизацию, в анархию и апатию, присущие России начиная с ее архаического догосударственного периода. В традиционный период и в советское время в России культивировались нестяжательство, мирская, а не трудовая аскеза. Перевернутая формула ценностных ориентаций была не единственной, но важной причиной, в силу которой дарованная в 1990-е годы свобода оказалась похожей на проект освобождения крестьян от крепостного права без земли. Общество шло к рефеодализации, к архаике и архетипу, к анархическому индивиду, который отрицал других как потенциально опасных для себя.

В условиях, когда модернизация западных стран осуществлялась по модели догоняющей Запад модернизации, архаизация противоречила ее целям. Но именно поэтому она нередко оказывалась заместителем провозглашенных целей или способа их достижения, например материальных успехов, путем кланово-корпоративных усилий, криминализации, путем новой революции. Сегодня мы наблюдаем еще один поворот к архетипу Революции в российском сознании, с верой (неверием) в правителя, от которого, по мнению населения, все и зависит. Это ведет к архаике группирования, отнесения себя к кланам и группам в большей мере, чем к пониманию и трезвой оценке ситуации. Даже большинство политических телевизионных программ построено в большей мере на борьбе групп, чем на конфронтации идей.

Еще одна тема, придающая исследованию характер новизны: каковы особенности архаизации российского общества, почему процесс при всей своей целостности имеет региональные, анклавные варианты? Данный ракурс проблемы соотносится в работе с уже принятыми в отечественной литературе попытками выяснить причины и условия регионализации постсоветской России. При этом автор основной упор делает на социокультурных причинах этой регионализации. Внимание к социокультурной проблематике выразилось в выборе методологического подхода, с помощью которого Ч. К. Ламажаа проанализировала архаизацию в конкретном региональном проявлении — в Туве. Интересный ракурс в этой связи показывает тезаурусный подход, активно разрабатываемый рядом отечественных ученых, в первую очередь в Московском гуманитарном университете (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков и др.). Подход позволяет рассматривать содержание наиболее значимых представлений в культуре в разрезе трактовок «свое», «чужое», «чуждое», что оказалось весьма удобно для анализа возрожденных архаических смыслов в поздние исторические времена.

Автор обосновала понятие «тувинской архаики» как «прототувинской», подчеркнула особенности данной архаической культуры, соединила в концептуальном построении древность и современность одного из самобытнейших российских регионов и тем самым создала основу для аналогичных исследований в этом направлении, в том числе других кочевых обществ региона (например, Бурятии, Калмыкии, Алтая, Хакасии, а также Монголии). Те стороны архаизации в постсоветской Туве, которые представила автор, показывают явные признаки регресса локального общества. Но Ч. К. Ламажаа, признавая этот факт, далека от того, чтобы рассматривать архаизацию как однозначно негативный процесс. Действительно, обращение к архаике не может расцениваться лишь как некое зло. Это и способ опереться на свои социокультурные корни обществу, которое переживает сложности нынешнего реформирования.

Учет национальных корней в модернизации — глобальный тренд современности. Мо-

дернизация лишь первоначально была тем процессом, который требовал смены идентичности, изменения социальных структур в пользу создания структур цивилизованного капитализма. Она требовала слишком многого — рекультуризации, она требовала, чтобы китаец или русский в своих оценках и поведении были похожи на американца. Преодолевая проблему насильственной, навязанной модернизации, радикальные требования рекультуризации незападных стран, плюрализм модернизаций не сближают народы, а напротив, сосредоточивает их на своих проблемах, своих культурах, в которых имеется немало антагонизма по отношению к другим. Можно сказать, что классический модернизационный путь к единству человечества, к праву всемирного гражданства пока как не сложился вследствие глобализации, так и оборвался на пути модернизации, вытесняясь культурно особенными путями развития и не всегда существующей возможностью договориться, понять друг друга, чтобы избежать войны. Но надежды не иссякли. По мере распространения капитализма, превращения его в мировую систему сформировалось множество капитализмов, отличающихся друг от друга.

Модернизации перестали быть догоняющими Запад, они стали использовать все приемлемые позитивные образцы, найденные как на Западе, так и на Востоке. Они приняли национальный характер, осуществляясь с учетом локальных культур. Модернизации происходят в координатах, задаваемых социальным, культурным, человеческим и символическим капиталами стран, осуществляющих их. Так, китайская модернизация сегодня ориентирована на такой социальный капитал, как согласие народа и его доверие к власти по поводу проекта модернизации, с помощью которого планируется достичь лидерства среди средне-развитых стран к 2050 г., а к концу века — достойного места среди самых развитых стран. Культурный капитал предполагает почтение к пятитысячелетней китайской цивилизации, признание значимости конфуцианства. Человеческий капитал вырастает бурным ростом качественного образования, отвечающего современному уровню. А символический ка-

питал выражается символическим значением реки Янцзы.

После всех изменений, потрясений, перенесенных нашим народом в 1990-е годы, при глобализации, ускоренных трансформациях, росте гедонизма люди испытывают культурный шок. С. Хантингтон показал, что на исходе долгой эпохи биполярного мира, разделенного на капитализм и социализм, по окончании холодной войны люди, не зная, как жить, во что верить, отпрянули к своим истокам — к своим культурам, цивилизациям, разделенным по религиозным основаниям. Повсюду в мире происходит в связи с его турбулентностью десекуляризация как попытка восстановления религиозных ценностей и святынь в качестве оснований национальных культур — в США, в Турции, в России, в Европе.

Сегодня возникает вопрос об изменении капитализма, которое отдельные исследовате-

ли признают неизбежным. А отсюда следует сценарий будущей феодализации, или превращения нового технически развитого мира в культурном отношении в третий мир, новый третий мир, но все же имеющий признаки архаизации. Таким образом, управление архаизацией — это управление модернизацией и возвращением прошлого в формах, не уничтожающих настоящего.

В. Г. ФЕДОТОВА

*THE CRISIS OF MODERNIZATION
AND ARCHAIZATION OF SOCIETY*

Lamazhaa Ch. K. Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [The Archaization of Society. The Tuvan Phenomenon]. М. : Knizhnyi dom «Librokom», 2013. 272 s.

V. G. FEDOTOVA